Начало неоконченной автобиографии

Павел Иванович Мельников-Печерский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений в 6 т.
М., Правда, 1963. (Библиотека "Огонек").
Том 1, с. 307–317.

-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Я родился в Нижнем Новгороде 22 октября 1819 года, как сказывали мне, в самый благовест к обедне, в деревянном доме деда моего Павла Петровича Сергеева. Он еще цел, находится на углу Мартыновской и Тихоновской улиц возле удельной конторы. Отец мой, капитан Иван Иванович, служил тогда начальником жандармской команды, не имевшей впрочем тогда того значения, которое получила восемь лет спустя; тогда это была конная полицейская стража. Мать моя, Анна Павловна, была второю

дочерью Сергеева. Я родился первенцем.

Род наш довольно старый, хотя его и нет не только в Бархатной книге, но и в разрядах. По преданию, предки наши вышли с Дону, где и до сих пор существует фамилия Мельниковых. У меня был старинный образ Спасителя, пропавший в Петербурге во время пожара 28 мая 1862 года (когда Апраксин двор сгорел, министерство внутренних дел и часть Троицкого переулка, в котором я жил). На нем была надпись, что он пожалован царем Иваном Васильевичем Василию Мельникову, но кто таков был этот Мельников, не знаю. В XVIII ст. Мельниковы небогатые и незнатные дворяне служили в рейтарских полках иноземного строя.

В 1700 году, как видно из "Обозрения поместных прав и обязанностей", составленного Ивановым (Москва, 1836), шестеро Мельниковых имели недвижимые имения с крестьянскими дворами. Но мой прадед Федор Васильевич Мельников, живший в первой половине XVIII ст. и служивший тоже в рейтарах, не имел офицерского чина и прожил наследственные имения. Сын его, мой дед Иван Федорович, был секунд-майором, служил в морских батальонах, а в конце царствования Екатерины — советником Пермского наместнического правления.[1]

Был он еще молодым человеком, когда приехал в Казанское наместничество, влюбился в одну сельскую поповну, звали ее Лизаветой Ивановной, фамилию отца ее не знаю, но брат ее Александр Иванович носил фамилию Псаломщикова и долго служил в Казанском университете почти с самого его открытия в канцелярии совета или университетском правлении.

Поэтому, казалось бы, и бабушка моя должна быть Псаломщикова, но ведь тогда в духовенстве так велось, что отец носил одну фамилию, а сын другую, родные братья имели разные фамилии. Фамилии даваемы были в семинариях их ректорами или самими архиереями, иногда без всякой нужды, а так, ради монашеской потехи.

У дедушки было три сына: Василий, отец мой Иван, родившийся 25 сентября 1788 года в Казани (дедушка тогда служил поручиком в Казанском адмиралтействе), Дмитрий и дочь Надежда, родившаяся в Перми. Вскоре после рождения этой дочери он, из советников наместнического правления перешедший на должность советника же пермской гражданской палаты, бывши в Екатеринбурге, влюбился в девятнадцатилетнюю девушку Марью Степановну Федорову, дочь какого-то чиновника. Вследствие того произошел раздор в семействе советника и кончился тем, что бабушка Лизавета Ивановна уехала с детьми в Казань, а дедушка в Екатеринбурге в Успенской церкви

обвенчался с молоденькой красавицей. Это было в 1796 году. За это он поплатился службою, которая пошла было хорошо, ибо тридцатидвухлетних советников в секунд-майорском чине тогда было очень немного. Его же родные в Казани — Веригины вступились за его детей. Дошло до сведения императрицы (перед самою ее кончиной) о браке его от живой жены, дедушку отставили от службы, старшего его сына Василия Ивановича 12 лет определили в гвардию, откуда он попал в гатчинские войска и при Павле Петровиче получил 200 душ в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (сельцо Миякуши, и теперь находящееся во владении моих двоюродных братьев). Бабушка Лизавета Ивановна сошла с ума и бедствовала с детьми в Казани. Ей помогали дальние родственники ее мужа Веригины и некоторые богатые казанские помещики: Родионовы, Бойховские и др. и, сколько мог, брат ее Александр Иванович Псаломщиков.

Дедушка с молодой женой уехал в Петербург. Он жил там в приходе Владимирской церкви в Троицком переулке, где лет через 60 после того я долго жил. Жил весело с приятелями коллежскими асессорами Пименовым и Маркеловым Никифором Семеновичем. Дедушка имел состояние порядочное и жил открыто в Петербурге, когда семья его бедствовала в Казани. Со старшим сыном, бывшим в Гатчине, он почти не видался. Еще в Пермской губернии в июле 1796 года, когда он был советником гражданской палаты, подвернулся ему лейб-гвардии Преображенского полка сержант Онуфрий Андреевич Гедеонов, молодой и богатый человек, очень полюбившийся дедушке. В июле 1796 года он дал Гедеонову 12 000 руб. ассигнациями — деньги по тому времени значительные — под залог деревни Сосновки.

Были у дедушки в долгах немалые деньги и на других лицах.

В 1799 году дедушка Иван Федорович умер на сороковом году от рождения. Перед смертью 28 августа 1798 года он написал духовное завещание, засвидетельствованное его приятелями Пименовым и Маркеловым, подписались и духовники: дедушкин — священник Владимирской церкви, священник Иван Федоров и его жены — Петропавловского крепостного собора протоиерей Василий Алексеев. Зачем последний — неизвестно. В завещании было сказано: "даю сие завещание законной (?) жене моей второго брака Марье Степановне, дочери Мельниковой, урожденной Федоровой, в том, что по усердию моему к ней и на случай кончины жизни моей завещаю ей во владение имение наше как то: дворовых людей, разные вещи и наличные деньги, сколько оных за уплатою нажитых нами долгов оставаться будет, равным образом оставляю

ей и взыскание по искам моим и производящимся в судебных местах делам долговые на разных людях деньги и купленные и заложенные мне лейб-гвардии сержантом Гедеоновым и, наконец, смененных им дворовых людей, поелику все сие приобретено мною из полученного за нею в приданое имения и за прожитием вместе с ней оставшееся, которое все без остатка ей собственно и принадлежит, а не детям моим от первой моей жены рожденным, которым ни до чего вышеписанного не касаться и никакого ей, Марье Степановой дочери, чрез то беспокойство не делать".

Таким образом все имение досталось второй, незаконной жене. Что оно приобретено на приданные деньги Марьи Степановны — не справедливо, тут дедушка, влюбленный до безумия в нее, маленько покривил душой. Когда он умер, вдове Марье Степановне 1 сентября 1799 года из комиссариатской экспедиции адмиралтейства выдан паспорт, как законной жене его. Он за подписом обер-штер кригс-комиссара Берха, с которым дедушка был дружен. Из копии ее паспорта видно, что Марья Степановна в 1806 году 4 июля получила из кабинета Ею Величества 75 рублей, а 15 февраля 1807 года в Андреевском соборе на Васильевском острове священником Андреем Никитиным обвенчана петербургского посада с мещанином Иваном Кузминым. Ей в то время было 32 года. Что сталось после того с Марьей Степановной, не знаю.

У бабушки Лизаветы Ивановны с детьми из родового имущества осталось лишь несколько образов, в том числе пропавший у меня во время петербургского пожара 1862 года, обручальное кольцо и серебряный сервиз. Когда умер Иван Федорович Мельников, казанские родные его стали хлопотать о наследстве в пользу его законных детей и об определении на службу моего отца. Он по просьбе восемнадцатилетнего своего брата Василия Ивановича, которого любил император Павел Петрович, не в пример другим определен был одиннадцати лет от роду лейб-гвардии в Семеновский полк унтер-офицером (9 марта 1800 г.) и оставался при матери, а затем также по ходатайству брата 1 января 1801 года был отставлен из военной службы для определения к статским делам коллежским регистратором, имея от роду только 12 лет. При Павле Петровиче это бывало не часто для незнатных людей.

Брак дедушки с Марьей Степановной признан был незаконным. Стали взыскивать долги с Гедеонова, но в одном присутственном месте крысы, по просьбе должника, выели из векселя со слова: "надцать тысяч" до означения, в какой губернии и уезде находилась заложенная деревня Сосновка, так что в векселе сохранились слова: "занял я (Гедеонов) Пермского

наместничества гражданской палаты у советника секунд-майора Ивана Мельникова деньги государственными ассигнациями две… округ в деревне Сосновке принадлежащую на мою часть" и т. д. Безграмотные крысы выели хорошо, подьячие знали, где помаслить бумагу. Гедеонов доказывал, что он занимал только двести рублей и что по неозначению, где именно находится Сосновка, требовать эту деревню наследникам Мельникова нельзя. Гедеоновы были богаты, Мельниковы бедны и не получили с богатого ни копейки. Так водилось и водится.

У Марьи Степановны остались все родовые бумаги дедушки, кроме его патента на чин капитана. От того при записке в родословную книгу род наш попал не в шестую, а во вторую часть.

Двенадцатилетний коллежский регистратор, отец мой, рос и учился в Казани; при открытии там университета (1805 г.) он хотел было поступить в студенты, но хотя и принимали тогда чуть не всякого, с самыми ограниченными сведениями, отец мой не попал туда, потому что латинского языка вовсе не знал, а по математике знал только четыре арифметические правила. В это время шла война с Наполеоном, собиралось в России земское войско или милиция. На выборах Казанского дворянства отец мой, будучи 18 лет, был выбран сотенным начальником милиции. Начальником его был избранный дворянством в губернские начальники Л. Н. Энгельгардт бывший сродни по жене дяди Василия Ивановича. Энгельгардт любил отца моего и держал его при себе. Это автор известных записок о временах Екатерины, умерший в 1836 году. Выйдя впоследствии из военной службы с мундиром, отец мой всегда носил милиционный мундир с малиновым воротником и маленькими золотыми пуговицами, с зеленым пером на трехугольной шляпе и золотую медаль на владимирской ленте с надписью: "за веру и отечество земскому войску". В этом мундире он завещал и похоронить себя. При роспуске ополчения он, по совету Энгельгардта, в 1808 году перешел в действительную военную службу в Уфимский пехотный полк, которым некогда командовал Энгельгардт и в котором оставалось еще много его сослуживцев. Там служба пошла было хорошо, но влюбившись в одну польку, отец в 1811 году, чтобы не разлучаться с нею, перешел в Каменец-Подольский гарнизон, в котором и находился в войну 1812 года. Роман с полькой кончился, однако, тем, что она вышла за какого-то пана; тогда в 1813 г. отец поступил в действующую армию в Великолуцкий пехотный полк штабс-капитаном; сделал поход за границу в 1813 и 1814 годах, а по окончании войны в 1816 году, за болезнью, переведен в Нижегородский гарнизонный батальон и

в 1817 году назначен начальником жандармской команды, при том батальоне находившейся.

В Нижегородскую губернию на службу звал его старший брат Василий Иванович, поселившийся в пожалованном ему ардатовском имении. Здесь он женился на дочери соседа Любови Васильевне Жуковой,[2] вошел через это в родство с местными помещиками, был долго предводителем дворянства Ардатовского уезда и умер в августе 1837 года на моих руках в буквальном смысле этого слова. Василий Иванович и братьев своих хотел видеть около себя, вследствие его вызова отец мой поселился в Нижнем, а дядя Димитрий Иванович, женившись на Бигловой, сделался помещиком Темниковского уезда Тамбовской губернии.

В январе 1818 года отец мой женился на дочери нижегородского исправника, надворного советника Павла Петровича Сергеева, Анне Павловне. Дедушка Павел Петрович был человек в своем роде замечательный. Он пользовался уважением и был избираем дворянством в исправники в продолжение тридцати шести лет и ничего не нажил, когда по тогдашним нравам исправники в два или три трехлетия наживали по две, по три сотни душ. Учился он, как говорят, на медные деньги, но образовал себя чтением. Иностранных языков не знал, но в конце прошлого столетия и отчасти в начале нынешнего выходило множество переводов дельных книг, особенно французских. Дедушка на книги денег не жалел, и у него была большая библиотека; по смерти его, половина ее досталась моей матери, и я с раннего детства с ней ознакомился; тут были переводы греческих и римских классиков, исторические сочинения, переведенные с французского путешествия, все новиковские и академические издания, сочинения всех русских писателей от Кантемира и Ломоносова до Карамзина и Жуковского. Когда он ослеп, он заставлял дочерей читать ему вслух и все дожидался, когда мы, его внуки, выучимся грамоте и будем читать слепому дедушке.[3]

Павла Петровича все уважали, как я сказал, но в особенной приязни жил он с нижегородским уездным предводителем дворянства, князем Петром Сергеевичем Трубецким (отцом декабриста). Мать моя еще девочкой подолгу гостила у Трубецких в их Лапшихе и была много обязана им своим образованием, она была очень дружна с ровесницей своей княжной Елизаветой Петровной (впоследствии графиня Потемкина). Вторая жена князя Петра Сергеевича — Марья Петровна, рожденная Кромина, была родственницею Сергеевых — отсюда и близость моего дедушки с Трубецкими.[4]

Впоследствии старушку княгиню знал я в Петербурге, когда

она жила у своего сына князя Никиты Петровича. Она умерла около 1860 г.

У Павла Петровича Сергеева были две дочери, старшая, Александра, в 1815 г. вышла замуж за имевшего хорошее состояние новгородского и симбирского помещика Никиту Захаровича Жилина, внука астраханского губернатора, повешенного в его симбирской деревне Енгалычеве Пугачевым, а через два года вышла замуж и моя мать. Вскоре после этого дедушка ослеп, оставил службу, переселился в город Балахну, купил там дом и доживал свой век.

Связные мои воспоминания начинаются с пятилетнего возраста. Нас было в это время трое сыновей: я, брат Николай годом моложе меня и Федор, родившийся в 1823 году в Лукоянове, где, по выходе из военной службы, служил мой отец по дворянским выборам. В том же Лукоянове жил родной дядя моей матери, Николай Петрович Сергеев, у которого была предобрейшая жена, впрочем, безграмотная, вывезенная им из Сибири, бабушка Александра Кузьминична. Люди они были пожилые, а детей не было; когда родился брат Федор, они упросили отца моего с матерью отдать его им в дети, за что они сделают его единственным своим наследником. Согласились, и Федор был даже окрещен в доме Николая Петровича. Между тем дедушка Павел Петрович стал очень слаб и писал к обеим дочерям, чтобы они со своими семьями приезжали в Балахну провести с ним последние его дни. Вследствие такого вызова отец мой вышел в отставку и поехал со всеми нами в Балахну весной 1824 года, Жилины из Новгородской деревни приехали еще ранее. Путешествие наше на долгих помню отрывочно: живо помню Арзамас, поразивший меня своею огромностью, множеством церквей и каменной мостовой, дотоле мною невиданной, помню высокие кирпичные стены строившегося тогда огромного собора в память избавления России от французов, помню даже постоялый двор, в котором мы останавливались, и громкие крики петухов, немилосердно кричавших на крытом дворе его. После того в Арзамасе в первый раз я был уже студентом, но без труда отыскал тот постоялый двор. Но Нижнего Новгорода, через который мы тоже проезжали, совсем не помню, кроме дома дяди моей матери, Федора Герасимовича Шебалина, преемника дедушки Павла Петровича по должности нижегородского исправника. Как теперь помню его в угольной комнате его небольшого, но чистенького дома, со множеством статуэток из севрского и саксонского фарфора, бывших в шести этажерках за стеклом,[5] помню и Федора Герасимовича с его длинной фигурой и его длинным чубуком и

сухопарую красивую жену его Анну Андреевну, дочь французского эмигранта де Барраль, полковника нашей службы, бывшего тогда командиром Нижегородского батальона.

Помню даже, как модница и щеголиха Анна Андреевна нахмурилась, когда я назвал ее «бабушкой», и как она, когда муж ее с моим отцом вышли в другие комнаты, со слезами на глазах поверяла свое странное горе моей матери. Она, дочь полковника, ездила в карете четверней, а теперь, вышедши замуж за капитана, должна ездить только парой… Впоследствии я узнал, что Шебалины были не в ладах с полицмейстером, который говорил, что он остановит Шебалинскую карету и собственноручно отпряжет форейторскую пару, исполняя закон, дозволяющий четверней ездить только дворянам штаб-офицерского чина. Едва ли он даже не исполнил обещание.

На пути из Лукоянова в Балахну мы заезжали в Миякуши к дяде Василию Ивановичу. Он, уездный предводитель с Анной на шее (тогда не малая редкость в провинции), был важною особой в Ардатовском уезде. Но я мало помню его, зато крепко врезалось в моей памяти свидание с бабушкой Елизаветой Ивановной, в тихом сумасшествии доживавшей свой век у старшего сына. Как теперь гляжу на чистенькую, опрятную старушку, всю в черном, сидевшую в вольтеровских креслах у растворенного окна в тенистый сад. Она вся была окружена цветами, весь флигель, занимаемый бабушкой, был заставлен цветущими растениями. Она очень любила цветы, и уход за ними составлял единственное ее занятие. Она не скоро узнала моего отца и мать; узнав, много плакала и, взяв меня на руки, посадила к себе на колена и легонько похлопывала по моему лицу цветами белой сирени. Я знал, что бабушка сумасшедшая, и страшно боялся, чтобы она меня не съела. Сумасшедших я до того времени никогда не видывал, а от нянек много слыхал про бабу-ягу, евшую маленьких детей. Воображение пятилетнего ребенка представляло мне бедную бабушку Елизавету Ивановну — бабой-ягой. Она меня благословила образом, много целовала и, поставив нас с братом Николаем перед собой, положила на наши младенческие головы свои исхудалые, морщинистые руки и со слезами на глазах говорила что-то много, часто повторяя: "растите, мои внучки милые, да не будьте в дедушку". Впоследствии я уже понял и смысл этих слов помешанной старушки и те слезы, которые потекли из блестящих каким-то особенным блеском голубых глаз ее по впалым, сморщенным щекам. Вскоре бабушка Елизавета Ивановна скончалась и похоронена при церкви села Нучарова.

В Балахне мы поместились в доме дедушки Павла Петровича. Дом хотя был и довольно поместительный, но когда поселились в

нем обе дочери умирающего старца с мужьями, и шестерыми детьми у обоих, стало тесновато. Дом был на речке Нетече у въезда в село Кубенцово, подле большого каменного дома Николая Яковлевича Латухина, военного советника, двоюродного брата жены Павла Петровича, моей бабушки Надежды Степановны. У него была жена полька Тереза Ивановна и дочка моих лет Анюта.[6]

Это были очень богатые по тому времени люди, у единственной дочери было две, если не больше, гувернантки, которые было и нас с братом да двоюродных братьев и сестер Жилиных начали учить по-французски, а Тереза Ивановна при этом нещадно кормила нас конфектами, и такие уроки продолжались с утра до вечера. Многому мы, разумеется, не научились, да этого и не требовалось — вся цель этого ученья состояла в том, чтобы нашего крикливого общества не было в дедушкином доме, где догорали последние дни почтенного старца. Латухин был из балахнинских купцов, его родственники и сам он имели солеварни в Балахне, кроме того, у Николая Яковлевича был стеклянный завод. И солеварни и завод были близко, и мы не столько времени занимались с гувернантками, сколько проводили его на солеварнях и на заводе. К дедушке нас водили редко, он страдал водянкою в груди, и редко выпадали спокойные для него часы. Он меня очень любил, меня и Владимира Жилина, и обоим любимым внукам, лаская их полумертвой рукой, говаривал: "учитесь, учитесь, да читайте больше. Читайте Записки Сюлли и Деяния Петра Великого (Голикова)… Петра Великого чтите, он наш полубог!.." Разумеется, мы не понимали его слов, но имена Сюлли и Петра Великого врезались в мою память, и уже после мать моя растолковала мне предсмертный завет дедушки. Это с ранних лет заставило меня полюбить историю, и много лет спустя, когда я начал печатать статьи свои, большею частью исторического содержания, у меня нередко было на уме: "Ах! как бы было хорошо, если бы живы были мать да дедушка и прочитали бы печатные статьи мои!.."

В половине сентября 1824 года утром мы играли в бане с моим ровесником, братом двоюродным Владимиром Жилиным, сделанными при нас на стеклянном заводе бутылками, когда вдруг какая-то из нянек прибежала к нам и, схватив нас за руки, бегом пустилась к дому, говоря: "дедушка умирает!" Помню тесную, битком набитую людьми комнату, запах ладана, высоко поднимающуюся грудь дедушки, помню, как он подал руку моей матери, а она положила ее на мою голову, помню унисон ильинского попа, читавшего отходную, помню, как Тереза

Ивановна прикладывала к губам дедушки бритвенное его зеркальце, а потом крики, вопли, рыдания… Дедушки не стало. После него остались деревни в Семеновском уезде, поступившие моей матери и ее сестре.

Через четыре месяца по смерти дедушки, в январе 1825 года, были дворянские выборы, и новые семеновские помещики были избраны дворянскими заседателями — отец мой в земские, а дядя Жилин в уездный суды. Мы переехали в Семенов.

Семенов — где протекло мое детство и где лет через 25-ть, после того как меня привезли туда ребенком, привелось мне исполнить высочайшую волю императора относительно упразднения Керженских и Чернораменских раскольничьих скитов — и был и есть маленький лесной городок.[7]

notes

Примечания

1

В 1858 году, познакомившись с управляющим морским министерством Краббе, я просил его справиться в морском министерстве о службе моего деда. Из доставленных мне выписок оказывается, что он родился в 1759 году, в графе "из каких служб" показан "прежних служб из рейтарских детей". В 1772 г., т. е. тринадцати лет от роду зачислен в военную службу солдатом, а потом в том же году капралом, а 20-ти лет в 1779 году — счетчиком. В 1783 году 24 лет от роду получил офицерский чин курьера при адмиралтействе коллегии, в 1786 году мая 1 (27 лет) подпоручиком, января 1-го 1788 г. (29 лет) поручиком; из патента, у меня сохранившегося, видно, что он 1 января 1790 г. (31 года) морских батальонов из поручиков произведен в капитаны, а в январе 1791 в секунд-майоры (32 лет), уволен из морской службы по болезни; из документов видно, что у него левую ногу переехало пушечным колесом и оторвало три пальца. В том же году он поступил в Пермское наместническое правление советником при генерал-губернаторе Модерахе.

2

Брат ее Разумник Васильевич был женат на Марье Степановне — сочинительнице "Вечеров на Карповке" и других повестей, имевших успех в тридцатых и сороковых годах. Мать Любови Васильевны, рожденная Бутурлина, Марья Сергеевна, была двоюродная сестра Энгельгардта. Его мать Надежда Петровна и Сергей Петрович Бутурлин, отец Марьи Сергеевны, были брат с сестрою. По этому, весьма, впрочем, дальнему родству, Л. Н. Энгельгардт и считал отца моего "своим".

3

Павел Петрович Сергеев, по должности исправника, усмирял мордовский бунт и производил следствие о «Кузьке-Боге», мордовском пророке. В "Отечественных записках", кажется 1865 года, напечатана большая статья об этом «Кузьке-Боге», в которой действительные факты, почерпнутые, вероятно, из официальных источников, перепутаны со множеством нелепейших выдумок. Между прочим, там напечатано, что мордва в 1809 году разорвала нижегородского исправника, т. е. моего дедушку, как древляне Игоря, на деревьях. Но после того, как моего дедушку разорвали, он прожил 15 лет и скончался в 1824 году. Никакого открытого восстания мордвы против властей не было, если и было неповиновение, то лишь помещику графу Сен-При.

4

Первая жена князя Трубецкого была родная сестра знаменитому нижегородскому магнату, князю Егору Александровичу Грузинскому, бывшему лет сорок губернским предводителем. Он умер в 1852 году девяноста лет от роду.

5

Они так и простояли на одном месте, равно как и все мебели, до 1867 года, когда умер дедушка Федор Герасимович.

6

Потом она была замужем за полковником Гриневичем, лет двадцать бывшим балахнинским предводителем дворянства до самой смерти в шестидесятых годах.

Впервые напечатано в Сборнике, т. IX, стр. 67 — 75.